

П.Я. ГАЛЬПЕРИН: ОТ ДЕЙСТВИЯ С ЗАДАННЫМИ СВОЙСТВАМИ
К СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

Рассматриваются яркие черты П.Я. Гальперина — педагога, ученого и полемиста. Сопоставляются две формы, в которых существовал опыт П.Я. Гальперина: опыт-знание и опыт-позиция, которые то входили в противоречие, то дополняли друг друга. Анализ ведется на материале обсуждения П.Я. Гальпериным предмета психологии, психологической теории деятельности, развития мышления.

Ключевые слова: П.Я. Гальперин, предмет психологии, предметные действия, мышление, мысль, образ, ориентировка.

Вклад П.Я. Гальперина в психологию разнообразен и многопланов. Для психологов многих поколений это прежде всего личностный вклад в качестве учителя, собеседника, советчика. Он делился с нами своим живым знанием. Его дисциплинированный, строгий ум был окутан душевной, часто ироничной аурой. Она распространялась не только на содержание знаний, излагавшихся им, но и на слушателей, собеседников, на самого себя. Иногда внешняя форма бывала обманчивой, внутри нее оказывались достаточно жесткие оценки. С ним нужно было быть внимательным и осторожным, вслушиваться не только в текст, но и в подтекст. Когда он говорил, что для ответа на поставленный тобой вопрос семи пядей во лбу недостаточно, нужно было понимать это так, что у тебя и одной-то путной нет. Внешне это могло звучать вполне безобидно и даже мило, например: «Когда-то в простоте душевной К.Н. Корнилов говорил, что психическая деятельность есть отражение мозговой деятельности» [18; 164]. Что же она есть на самом деле? Вот главный вопрос (но не ответ) данной статьи.

П.Я. Гальперин был не только Учитель, но и Ученый. Различия этих двух ипостасей можно выразить его же словами. Изучая роль установки в мышлении [2], он предложил различать две формы, в которых существует опыт: как знания о чем-то и как позиция, с которой мы рассматриваем окружающее. Обе формы опыта у П.Я. Гальперина не только не совпадали, что часто бывает, но, порой, его обширные знания учителя, лектора противоречили его позиции исследователя, экспериментатора, о чем будет сказано ниже.

О педагогической и личностной сторонах П.Я. Гальперина я писал к его 90-летию [12]. Сейчас мне хотелось бы сосредоточиться на некоторых научных проблемах, занимавших его многие годы. Научная школа — образование не однородное. Ее участники — не сямские близнецы. Там, где нет разнообразия, нет и школы. Конечно, биографически, содержательно и духовно П.Я. Гальперин был связан со школой Л.С. Выготского и со школой А.Н. Леонтьева. Но сохраняя этот культурно-исторический код, не следует забывать, что П.Я. Гальперину принадлежит свой корпус идей, на основе которых позднее сложилась его собственная научная школа.

О тесной связи и участии П.Я. Гальперина в развитии идей Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, о сотрудничестве и дружбе с Л.И. Божович, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко, Д.Б. Элькониным, которые, как и П.Я. Гальперин, создали свои научные школы, приходится напоминать снова и снова. Причина состоит в том, что в написанных А.И. Подольским предисловиях к посмертным изданиям трудов и лекций [1], [3], [5] П.Я. Гальперина он предстает как гений-одиночка. Видимо, случайно в одном из них мелькнуло имя Л.С. Выготского, а в другом — А.Н. Леонтьева. Это противоречит духу и букве публикуемых вслед за предисловиями сочинений самого П.Я. Гальперина. Автор интересной книги «Петр Гальперин: Психолог, идущий по стопам Выготского» [24] Ж. Ханен пишет, что П.Я. Гальперин не совсем командный игрок, что, конечно, справедливо. Но научная школа — не футбольная команда. Каждый участник школы делает то, что школе действительно нужно, а не то, чего хотят ее лидер или коллеги.

Вместе с тем вне контекста культурно-исторической психологии, психологической теории деятельности (в вариантах А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна), вне контекста исследований других участников этих научных школ, наконец, вне контекста мировой психологической науки вклад П.Я. Гальперина в психологию невозможно адекватно понять и оценить. Справедливо и то, что без исследований П.Я. Гальперина, как, впрочем, и других участников этого научного сообщества, психологическая теория деятельности была бы другой. Да и сам П.Я. Гальперин признавал, что принадлежит к числу тех, кто принимал активное участие в разработке взглядов этого направления. Признавал он и то, что критика этих взглядов есть критика и его собственных взглядов того периода [1; 257].

Разумеется, влияние работавших вместе ученых было взаимным, и прослеживание такого взаимовлияния, кстати, не всегда документированного соответствующими ссылками, представляет собой интересную задачу для

историков психологии. Например, можно с уверенностью сказать, что первая работа П.Я. Гальперина: «Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств животных и его значение» (см. [3]) оказала сильное влияние на работы А.Н. Леонтьева, посвященные проблематике возникновения и развития психики и сознания [16], на работы А.В. Запорожца, посвященные развитию мышления у детей [7].

Упомянутую работу, составившую кандидатскую диссертацию П.Я. Гальперина, смело можно назвать пролегоменами к психологической теории деятельности и пробой сил в ее экспериментальном обосновании. Именно в ней убедительно показано рождение мышления из практического действия и его задач, показана логика, позднее афористически названная А. Валлоном «От действия к мысли». П.Я. Гальперин пишет: «На ранних ступенях овладения готовым орудием мышление отстает от практической деятельности по формальному составу своих операций. Как теоретическая деятельность, мышление сегодня воспроизводит в идее вчерашний день практической деятельности» [3; 73]. Этот, лишь на первый взгляд пессимистический вывод компенсируется общим заключением к работе в целом: «Пределы разума как общей “способности” непрерывно расширяются, в перспективе будущего они отодвигаются в неопределенную даль» [3; 93]. Если воспользоваться оборотом П.Я. Гальперина, можно добавить: практическая деятельность сегодня воспроизводит в идее вчерашний день мышления.

П.Я. Гальперин не только начал рассмотрение мышления как особой формы деятельности индивида, но и призвал к такому же анализу восприятия: «самое восприятие вопиет о том, чтобы быть понято как своеобразная деятельность» [3; 91]. Этому призыву последовали А.В. Запорожец, который ввел понятие «сенсорное действие», и автор этих строк, который ввел понятие «перцептивное действие».

Исследования орудийной деятельности ребенка, изложенные в этой работе, сыграли большую роль в практической деятельности, которую во время Великой Отечественной войны вели психологи по восстановлению движений после ранения. В ней майор медицинской службы П.Я. Гальперин принимал непосредственное участие; некоторое время он был начальником госпиталя. Ему (вместе с Т.О. Гиневской) принадлежит замечательный результат — установление различий между анатомическими возможностями организма (разумеется, не только поврежденного) и его практическим функционированием. Было показано, что не только эффективность, но и са-

процесс реализации существенно зависят от психологического строя задания. (Например, подними руку на максимальную высоту или достань предмет.) В маленькой статье, где изложены полученные результаты, появились понятия предметного и предметно-целевого действия, изложено выполненное тогда же пробное игротерапевтическое исследование [6].

Поставлю и оставлю без обсуждения вопрос, почему первая без преувеличения краеугольная для теории деятельности работа ожидала публикации более 60 лет. Она была известна очень узкому кругу. Ссылки на нее встречались лишь у А.В. Запорожца. Самое поразительное, что мне не удалось найти ссылок на эту раннюю работу у самого П.Я. Гальперина, хотя упоминание исследований навыка (действия) и мышления в контексте его поздних работ было бы более чем уместно. Одно из объяснений такого умолчания может состоять в том, что его ранние работы были выполнены не «по правилам», т.е. вне строгих требований генетико-формирующего метода, когда исследование предметного действия выполнялось с установкой «что получится», а не с конца, не с перечисления его требуемых свойств. Между тем в этих исследованиях были добыты замечательные результаты: овладение орудием, которое П.Я. Гальперин наблюдал у детей, есть освоение логики орудия и построение ребенком нового органа, который А.А. Ухтомский и Н.А. Бернштейн называли функциональным. Потом подобные органы, включая самые экзотические, строили А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, М.И. Лисина. То же можно сказать о реабилитации движений поврежденного органа. В процессе реабилитации происходило либо восстановление прежнего функционального органа, либо построение нового.

Упомяну еще одну раннюю работу П.Я. Гальперина [4], посвященную анализу смысловой схемы поведения, которая лежит в основе высшей нервной деятельности. Под смыслом он понимал субъективное значение вещей и производимых по отношению к ним действий, отличное от их объективного, предметного значения. Это был первый шаг на пути к пониманию смысла как отношения мотива к цели (А.Н. Леонтьев).

Я далек от мысли устанавливать приоритет во введении тех или иных понятий или объяснительных схем, из которых складывалась психологическая теория деятельности. Приводя ранние работы П.Я. Гальперина, я хотел показать, что основной концептуальный каркас теории присутствовал в них с самого начала. Самому П.Я. Гальперину не было свойственно распространенное среди ученых стремление начинать науку с себя. Он многим поколениям психологов Московского университета читал

курс «История психологии» и учил нас исторической культуре, т.е. преемственности и форме.

Культурно-историческая психология, психологическая теория деятельности равно как и теория поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина не являются завершенными. Внутри каждой из них и между ними имеются живые противоречия и точки роста, что сохраняет их актуальность и поддерживает интерес к ним. М. Коул даже назвал культурно-историческую психологию наукой будущего. А.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал незавершенность своей теории. В конце жизни его меньше заботила форма, которую в будущем обретает теория, а больше то, чтобы она вообще существовала. Это, между прочим, вполне трезвый взгляд на собственные достижения. И пока психологическая теория деятельности жива, хотя критики в ее адрес было достаточно. Думаю, что и П.Я. Гальперин видел будущее своей теории в развитии и не считал ее системой психологии. Подобные амбиции были ему не свойственны. Он знал судьбу многих систем психологии, был мудр и обладал чувством юмора. Там, где система, там смерть, жестко формулировал М.К. Мамардашвили. П.Я. Гальперин тонко чувствовал драму науки и ученых, в том числе и на своем собственном опыте, и понимал, что все наши теории (не говоря о системах) нужны лишь до тех пор, пока их не сменят другие, лучшие теории. Он обладал острым критическим умом, который обращался как в чужой, так и в свой собственный адрес. Поэтапное формирование разных действий он характеризовал как довольно сложную систему, но при этом оговаривал, что «когда нам удастся наметить ее хотя бы в общих чертах, мы начинаем понимать, какие многочисленные и разнообразные отклонения возможны от этого оптимального пути» [3; 287].

П.Я. Гальперина как исследователя характеризовало счастливое качество — способность к самоограничению, — являющееся залогом успеха научной деятельности большого ученого, например, И.П. Павлова. И такое самоограничение было вполне сознательным. П.Я. Гальперин распространял его как на себя, так и на психологию в целом. Приведу его слова: «Итак, в качестве общего заключения нужно сказать, что психология изучает вовсе не всю психику, не все ее “стороны”, но вместе с тем и не только психику: психология изучает и поведение, но и в нем — не все его “стороны”. Психология изучает деятельность субъекта по решению задач ориентировки в ситуациях на основе их психического отражения. Не “явления сознания” служат ее предметом, но процесс активной ориентировки, в частности, с использованием того, что называется “явлениями сознания”. <...> Процесс

ориентировки субъекта в ситуации, которая открывается в психическом отражении, формирование, структура и динамика этой ориентировочной деятельности, определяющие ее качество и возможности, — вот что составляет предмет психологии» [1; 150]. Ключевые слова здесь — «отражение» и «ориентировка». Позиция выражена предельно ясно, и ей предшествуют пояснения, касающиеся того, как в душевных проявлениях воли, чувства, мышления выделять их ориентирующие функции, стороны, аспекты. Там же со всей категоричностью заявлено: «Предмет психологии должен быть решительно ограничен. Психология не может и не должна изучать всю психическую деятельность и все стороны каждой из ее форм» [1; 142]. Деятельность — да, но только ориентировочная. Через ориентировку вводится даже субъект деятельности. На службу ориентировке поставлены и образ, и знаки, и слово, и, в конце концов, даже действие. Автор, несомненно, имеет право на такое понимание и прежде всего на самоограничение, тем более, что он продолжает: «Другие науки не меньше психологии имеют право на их изучение» [там же]. Значит, и психология или другие психологи имеют такое же право. И слава Богу, многие психологи им пользуются, не ограничивая понимание психики лишь ориентировочными функциями и не отрицая их, что было бы нелепо. Но не менее странно отрицать другие функции психики и сознания, например, то, что последние являются источником произвольного, свободного, а не только ситуативного действия, в пределе — источником свободы воли. Конечно, свобода воли — предмет философии, но и психология вносит в решение этой вечной проблемы посильный вклад. П.Я. Гальперин совершенно справедливо заключает, что эмоции выполняют ориентирующие функции, но не лишне прислушаться к А.В. Запорожцу, который рассматривал эмоции еще и как средство решения жизненных задач, а не только ориентировки в ситуации.

Чтобы быть правильно понятым, сразу скажу, что ориентировка или ориентировочная деятельность действительно представляет собой важнейший предмет психологии, но — один из предметов... Выдвижению П.Я. Гальпериным ориентировки в качестве главного, или единственного предмета сопутствовали (или способствовали) внутренние и внешние обстоятельства. Начнем с первых. В упомянутой выше работе П.Я. Гальперина 1935 г., посвященной генезису орудийной деятельности, рассматривается природа избирательности человеческого познания: «очевидно, перед сознанием субъекта выделяются лишь те особенности окружающего мира, которые являются прямым объектом его воздействия. Так, например, сложный химический состав мяса, плодов, злаков и корней

является основой их пригодности в качестве пищи; но перед сознанием дикаря-охотника выступает не этот химический состав, а только свойства животных и растений, на которые он ориентируется в охоте или собирании. От характера практической деятельности зависит, следовательно, то, какого рода и в каком разрезе выступят перед сознанием наличные связи окружающей среды» [3; 88–89]. И далее автор добавляет: не только наличные связи, но и те, которые лишь возможны и еще не существуют. И те и другие зависят от того, какова деятельность субъекта, их устанавливающая.

В приведенном отрывке, как и во всей работе в целом, отчетливо виден весомый вклад в то, что потом будет называться деятельностным подходом, или психологической теорией деятельности. Виден и ход мысли, использованный затем А.Н. Леонтьевым при формулировании гипотезы о происхождении психики: переход от ориентации с биологически значимых на биологически нейтральные (сигнальные) признаки объектов. Наконец, видно и то, что проблема ориентировки и ориентировочной функции психики сопровождала П.Я. Гальперина на протяжении всей научной жизни. Обращению на нее более пристального внимания способствовало и немаловажное, чтобы не сказать трагическое, для психологии внешнее обстоятельство, ставшее потом для П.Я. Гальперина (и не только для него) внутренним.

Сегодня уже забыта мотивация обращения или, точнее, возвращения П.Я. Гальперина, П.И. Зинченко, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, Е.Н. Соколова и многих других к ориентировке. Это случилось после Павловской сессии АН СССР и АМН СССР (1950), когда психологам было приказано следовать павловскому учению о высшей нервной деятельности. Психологи, сориентировавшись, нашли в концептуальном аппарате И.П. Павлова понятия «ориентировочный рефлекс», «ориентировочно-исследовательская деятельность», «рефлекс что такое», которые им были хорошо известны и до сессии под этими и другими именами: любопытство, исследовательское поведение, пробы и ошибки, та же ориентировка и т.п. Отдельное спасибо следует сказать великому ученому И.П. Павлову и за понятие «деятельность»: деятельность все же не «отправление» и даже не «поведение», поэтому понятие «ориентировочно-исследовательская деятельность» не так корежило психологический контекст, как понятие «нервная деятельность» и последующие вариации: психонервная деятельность, нервно-психическая деятельность и т.п.

Конечно, перелицовка психологической проблематики и терминологии на физиологический лад не украшала психологию и психологов, но нарушать правила игры в «идеологическом общежитии» было не принято. Можно было лишиться не только работы, но и свободы. За примерами далеко ходить было не нужно. Иногда подобная перелицовка была только внешней. Например, П.И. Зинченко заменял термины «мнемическая и познавательная установка» на термины «мнемическая и познавательная ориентировка». Подобные терминологические ухищрения встречались довольно часто: навык — динамический стереотип, внимание — ориентировка и т.п.

Вместе с тем в соответствии с известным уже в то время правилом, сформулированным в психологической теории деятельности — «сдвиг мотива на цель», — целый ряд исследователей, и в их числе П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия, Е.Н. Соколов, их ученики и сотрудники, изучали ориентировочно-исследовательские движения руки и глаза, их роль в формировании навыков, произвольных движений и действий, образов, в решении задач опознания, мыслительных задач и т.д. и т.п. Это типичная тематика многих исследований того времени. Решались и, так сказать, противоположные задачи: ориентировочные движения, в свою очередь, выводились из неудачных исполнительных и опознавательных действий. Все эти исследования давали приращение научного знания. Но еще в 1960 г. можно было встретить такого «концептуально-ориентировочного монстра»: «Психолог (а не вся психология. — В.З.), опираясь на физиологические данные, изучает ориентировку как деятельность, направленную на обследование окружающего и на его отображение в голове субъекта, процесс превращения этой деятельности из внешней во внутреннюю, собственно психическую деятельность и ее роль в регуляции поведения человека. В качестве своеобразных форм ориентировочной деятельности должны (курсив мой. — В.З.) рассматриваться не только познавательные, а также волевые процессы» [8, т. 2; 87]. Страшно подумать, сколько времени потратил умнейший и интеллигентнейший человек на изготовление этого странного коктейля из физиологической, философской и психологической терминологии.

Затем постепенно менялась терминология: возвращались к давнему термину сенсорное действие, стали использовать термины перцептивное, опознавательное, мнемическое, умственное действие и т.п. Иногда даже возвращались к термину «психическое действие», употреблявшемуся П.И. Зинченко в 1939 г. Наряду с понятиями «ориентирующий образ» появились понятия «оперативный образ», «образ-манипулятор», «образ-регулятор»,

«когнитивный образ», что свидетельствовало не столько о неудачности понятия «ориентировка», сколько о его бедности, выступавшей на фоне дифференциации исследований и, соответственно, функций ориентировки. В работах П.Я. Гальперина легко можно найти ссылки на эти исследования.

Что же заставляло П.Я. Гальперина и далее настойчиво сохранять понятие «ориентировка» и выдавать ее за предмет психологии? Более того, что заставляло его выделять собственно психологическое содержание из такого «многостороннего» объекта, как психическая деятельность? (см. [1; 64]). Ведь введение последнего термина уже само по себе ограничивало понимание предмета психологии.

Чтобы ответить на эти вопросы, вернемся к введенному П.Я. Гальпериным различению двух форм опыта — «знание» и «позиция». Суровое ограничение предмета психологии П.Я. Гальперин делал с позиции исследователя, стремившегося развивать психологию как подлинно объективную науку. На первых порах таким объективным, рождающим, например, мышление, для него была практическая деятельность. Был период, когда П.Я. Гальперин идентифицировал психическую и ориентировочную деятельность: «Сама психическая деятельность (не то, чем она является в самонаблюдении, а то, что она есть на самом деле) по самой общей и основной жизненной функции есть не что иное, как ориентировочная деятельность. У активных живых существ эта деятельность становится ведущей, потому что самое важное и трудное в поведении — это правильно ориентироваться в обстоятельствах, требующих действия, и далее правильно ориентировать свои действия» [3: 268– 269]. Но подобная идентификация казалась П.Я. Гальперину недостаточной, и он ставил задачу выделения из психической деятельности собственно психологического содержания, что разумно, а затем вновь отождествлял их.

У него возникли серьезные претензии к сложившемуся концептуальному аппарату психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. Высоко оценивая первоначальную формулу А.Н. Леонтьева: психика живет в деятельности, она есть какой-то аппарат деятельности, П.Я. Гальперин все же констатирует: «Мы не сумели тогда понять это до конца и поэтому все исследования реально обернулись таким образом, что внешняя деятельность выступала как условие эффективности или неэффективности психической деятельности, которая оставалась внутри» [18; 166], т.е. оставалась в лучшем случае фактором, или прежней совокупностью явлений и переживаний сознания. «“Явления” суть “явления” и “только явления”, нам нужны не

“явления” психической деятельности, а сама психическая деятельность и такая деятельность, которая что-то делает, а не только “переживается”» [3; 265]. П.Я. Гальперина не удовлетворяло и прибавление к деятельности эпитета «осмысленная»: «“осмысленная деятельность” означала “деятельность вместе с психикой” и требовала изучать поведение не только с физической стороны, но именно со стороны психики, “сознания”, а самой психики не только как “явлений сознания”, но именно по участию в деятельности...» [3; 251]. Но при всем при том П.Я. Гальперин печально констатирует: «Внешнее оставалось внешним, а внутреннее — внутренним» [3; 256]. И еще более печальное заключение он делает о следствиях дихотомии внешнего и внутреннего (от которой и ему самому не удалось уйти): «процессуальное содержание предметной деятельности оставалось за пределами психологии, а содержание самой психической деятельности — за пределами предметной содержательности» [3; 257]. П.Я. Гальперин справедливо полагал, что для «психологизации» объективной внешней деятельности леонтьевского включения в нее мотивации недостаточно. «Нужно переходить к следующему шагу. И этот следующий шаг заключается в том, что надо самую психическую деятельность понять как предметную деятельность. Но предметная, какой бы она ни была — внешне-предметной или идеально-предметной, — не только предметна. Она такая же, как и всякая деятельность, т.е. в ней есть операционная сторона, в ней же есть и мотивационная сторона. И это входит в ее структуру, которая подлежит расшифровке» [18; 166]. Конечно, исследование операционной стороны психической деятельности и сегодня остается задачей будущего, и в этом критика П.Я. Гальперина в адрес теории деятельности вполне справедлива. Правда, сам он не захотел заметить, что этот его вызов уже приняла когнитивная психология, создающая зонды для прощупывания структур «внутреннего». А он не уставал думать о функциональном своеобразии психической деятельности, о ее направленности. И действительно, введение понятия психической деятельности, обладающей модусом предметности и совершающейся к тому же во внешней и в идеальной формах, ставило перед ним трудно разрешимую задачу. Как отличить психическую деятельность от не-психической, но тоже предметной? На проклятый вопрос о том, что же такое психическая деятельность, что она делает сама, помимо «переживаний», П.Я. Гальперин отвечает: ориентирует. И на этом основании он выделяет из психической деятельности ориентировочную и назначает ее предметом психологии.

И все же опыт П.Я. Гальперина, рассматриваемый как знание, не позволил ему оставить в стороне душевную жизнь и душевную деятельность как таковые. Он одобрительно относился к тому, что учение о внешней «осмысленной деятельности» — не только сфере приложения, но также источнике и питательной среде душевной жизни, — было полнейшим прогрессивным шагом [3; 259], но не последним шагом!

Как человек, как учитель П.Я. Гальперин понимал, что психическая деятельность, душевная жизнь и душевная деятельность шире ориентировки. Он ценил жизнь в духе. Но путь к их изучению, — говорит ученый, — представляет собой рассмотрение всех ее форм «как разных форм ориентировки субъекта в различных жизненных ситуациях» [3; 138–139]. Даже в приведенных отрывках видны колебания П.Я. Гальперина: он то щедрее, то скупее. Психическая жизнь то шире ориентировки, то совпадает с ней. Конечно, взгляд на психику как на эпифеномен представляет собой анахронизм, но и сведение ее лишь к служебным функциям ориентировки можно рассматривать как утилитаризм, что едва ли много лучше эпифеноменализма. Мотивация подобного сведения выражается П.Я. Гальпериным вполне отчетливо. Психика — это то, что может быть доступно строгому исследованию. Остальное — от лукавого. Такая позиция выбрана вполне сознательно, при полном понимании того, что психика, мышление, сознание суть чудо и остаются таковым до тех пор, пока мы не узнаем, как они сформировались. А узнать можно, лишь проследив путь их формирования, а еще лучше, — проконтролировав его. И здесь П.Я. Гальперин попадает в ловушку, которую он сам же, повторяю, вполне сознательно для себя приготовил: структура ориентировочной деятельности не открывается ни внутреннему, ни внешнему наблюдению. Это не «явление», а «сущность». Именно структура ориентировочной части всякого действия составляет его психологические «механизмы», психологические механизмы поведения. Эти механизмы нужно изучить, установить, построить! Структура ориентировочной деятельности — ее формирование, развитие и характерные особенности на каждом этапе развития функций в каждом периоде жизни субъекта — составляет подлинный предмет психологии» [3; 269]. И чтобы исключить всякие недоразумения в вопросе о ненаблюдаемости структуры ориентировочной деятельности, в следующем абзаце автор пишет: «О путях исследования этой структуры можно сделать прежде всего одно отрицательное заключение: при современных методах исследования анализ сложившихся форм ориентировочной деятельности невозможен <...> ее изучение в “готовом” виде невозможно потому, что в

процессе формирования происходят систематические изменения ее форм, состава и строения» [3; 270]. Казалось бы, автор смягчился, сделал уступку и есть надежда на будущее совершенствование методов исследования. Однако в другой работе мы встречаем драматическое описание ориентировки в уже сложившемся процессе мышления: «Таким образом, и в плане восприятия, и в умственном плане предметное содержание действия уже не выполняется, а только “имеется в виду” за пределами того, что фактически делается. А это фактическое действие везде представлено движением «точки внимания» (во внешнем или во внутреннем плане), движением, которое идет напрямик от исходной точки к заключительной, вопреки объективным отношениям задачи, как бы демонстрируя этим свое отличие от предметного действия и свое пренебрежение к его объективной логике, к его трудностям. Внимание выступает как “чистая” активность духа, “чистая” направленность на свои объекты — как психическая деятельность во всем ее отличии от деятельности предметной. И никакая аппаратура не может открыть в нем чего-нибудь большего» [3; 292].

К этому заключению можно относиться по-разному: как к крайнему скептицизму и как к интересной гипотезе. В свое время я предпочел второе и вместе с Н.Ю. Вергилесом мы наблюдали такое внимание, изучая викарные движения глаз при решении задач, которые предъявлялись на изображении, стабилизированном относительно сетчатки [13].

Так или иначе, но в приведенном отрывке мы встречаемся с предельной честностью исследователя, который гарантирует получение достоверных данных об ориентировочной деятельности лишь на внешнем — материальном и громко-речевом этапах, которые поддаются контролю на всем их протяжении. А во «внешней речи про себя» контроль возможен только по результату каждой операции [3; 300]. «Дальнейшее — молчание...» или выдвижение гипотез о том, что действие становится «чисто психическим», внутренним, идеальным, что ориентировка осуществляется в образном плане или в поле образа. При конструировании гипотез позиция исследователя смягчается. Часто она уступает место опыту — знанию.

Проиллюстрирую это на примере проблематики образа, которая никогда не выступала для П.Я. Гальперина предметом экспериментального изучения. Но П.Я. Гальперин не был бы большим психологом, если бы он обошел ее вовсе. Оставим в стороне плохое слово «отражение», которое часто мелькает в его работах («И зеркало корчит всезнайку», — сказал О. Мандельштам). Будем

говорить только об образе, притом не вообще, а в контексте исследований мышления и формирования умственных действий.

П.Я. Гальперин пишет, что содержание предметного процесса «бесспорно входит в содержание мышления, и самое мышление есть построение знания об этом процессе, построение образа его предметного содержания. <...> В мышлении предметный процесс не просто повторяется, а выступает как образ и притом в определенной функции — служить отображением оригинального процесса и ориентировать в нем. <...> В мышлении дело идет об ориентировке в вещах на основе образа этих вещей, а не о самих вещах или самом их образе» [3; 280–281]. Как минимум, мы можем сказать, что образ выступает в качестве важнейшего средства, орудия мышления, орудия, участвующего как на начальной фазе развертывания мышления, так и на итоговой — в качестве результата. П.Я. Гальперин утверждал, что «отдельная мысль — как явление психологическое — представляет собой не что иное, как предметное действие, перенесенное во внутренний, умственный план, а затем ушедшее во внутреннюю речь» [3; 272]. Вместе с тем для него «ближайший вопрос заключается в том, как же образ предметного содержания действия участвует в его исполнении, для чего образ нужен действию?» [3; 267]. Ко времени постановки этого вопроса и даже раньше на него был дан ответ его другом, коллегой по научной школе и соседом по коммунальной квартире А.В. Запорожцем. (Они не портили своей дружбы научными дискуссиями и коммунальными ссорами.) К тому, что было сделано А.В. Запорожцем [8] и не замечено П.Я. Гальпериным, можно добавить лишь некоторые любопытные, порой наивные детали. П.Я. Гальперин пишет: «Когда образ появился, он уже выполнил свою роль, выполнил тем, что открыл субъекту поле совершаемого или возможного действия. Дальше действует не образ, а субъект, образ нужен не действию, а субъекту» [3; 267]. Образ и после своего появления выполняет роль регулятора действия и совершает эту работу не только до начала действия, но и по ходу его осуществления (оставим в стороне чреватые ошибками автоматизмы). Что касается принадлежности образа субъекту, а не действию, то ведь последнему принадлежит и само действие не в меньшей степени, чем образ. Кстати, субъект в такой же мере корректирует действие, в какой он корректирует образ, и в такой же мере корректирует образ, в какой он корректирует действие. Здесь мы имеем дело не с рефлексом, а с бернштейновским кольцом, в котором вообще невозможно определить, где начало, а где конец, и что чему (кому) принадлежит.

Понятие «образ» П.Я. Гальперин использовал не только для характеристики процесса мышления, но и для характеристики (определения!) мысли. Выше шла речь о том, что предметное действие является только возможной мыслью, хотя и может быть единицей мысли. Встречаются и более категорические высказывания: «мысль о действии есть нечто совершенно отличное от самого действия» [3; 292]. Замечу, что и мысль о мысли есть нечто совершенно отличное от исходной мысли.

П.Я. Гальперин рассматривает два значения слова «мысль». «В качестве процесса она представляет собой сокращенное и автоматизированное действие, о подлинном содержании которого, мы, как правило, уже ничего не знаем и работа которого сигнализируется только неким нерасчлененным “чувством”; рассказать о нем — значит расчленить его, т.е. разрушить и его и его функцию, чему оно стихийно, но решительно сопротивляется» [3; 297]. Второе значение слова «мысль» — «идея, ключевой образ, внезапно открывающийся и освещающий запутанное положение...» [3; 293]. И далее: «Когда мысль выступает как новый образ (предмета или ситуации), несущий решение задачи, она есть целое, изображение которого составляет проблему, проблему такого изложения, которое передавало бы всю остроту его “видения”, что и вызывает “муки творчества”» [3; 297–298].

Здесь я должен повторить неоднократно высказывавшееся мною недоумение. Я спрашивал Петра Яковлевича: если образные явления столь существенны для понимания мышления, его генеза и функционирования, то почему среди этапов формирования умственных действий отсутствуют этапы формирования образа ситуации, формирования образа действий, которые должны быть в ситуации выполнены, наконец, этапы оперирования, манипулирования образом, посредством которых мысленный образ ситуации приводится к виду, пригодному для решения проблем и принятия решений. На эти вопросы я неизменно получал один и тот же ответ: «Володя, не толкай меня на этот дырявый феноменологический мост. Образ — это слишком тонкая материя, в которой сложно разобраться».

Как я старался показать выше, П.Я. Гальперин неплохо разбирался в этой тонкой материи, но — в качестве проницательного теоретика, а не экспериментатора. Думаю, что его размышления об образе латентно присутствуют и в экспериментатике и могут быть эксплицированы посредством анализа «учебных карт», своего рода информационных моделей, предъявлявшихся испытуемым или учащимся.

С проблематикой образа тесно связана проблематика «преобразования предметного действия в мысль, предметного явления в явление психологическое» [3; 289]. Примем, что предметное действие в самом деле не относится к психологическим явлениям, что в высшей степени сомнительно. Остановимся на слове «преобразование». П.Я. Гальперина видимо, не устраивало довольно странное положение А.Н. Леонтьева о принципиальной общности строения внешней и внутренней деятельностей. Если его принять, то интериоризация есть не что иное, как похорона внешней предметной деятельности. П.Я. Гальперин, интерпретируя раннюю работу А.Н. Леонтьева о развитии памяти и внимания [17], говорил, что там был установлен закон роста извне внутрь. Правда, А.Н. Леонтьев позднее сам высказывал аналогичное положение: в процессе интериоризации внутренний план впервые рождается. Но он не предпринял попыток проследить судьбу этого новорожденного, ограничившись утверждением, что за внутренней деятельностью стоит грандиозная работа мозга. Замечу, что и за внешней деятельностью она не менее грандиозна. П.Я. Гальперин до А.Н. Леонтьева утверждал, что процесс интериоризации это и есть процесс образования идеального, внутреннего плана. Л.С. Выготский уподоблял принцип развития принципу метаморфоз и ограничился метафорой: гусеница, куколка, бабочка. Но при этом он подчеркивал и принципиальные различия между внешним действием и мыслью.

П.Я. Гальперина не удовлетворяли и те преобразования предметного действия, которые наблюдались в его исследованиях: материальный план, громкая речь, внешняя речь про себя. По мнению П.Я. Гальперина, на этих этапах действие все еще оставалось предметным или логическим, но не психологическим образованием. Его волновала проблема, так сказать, языка внутренних идеальных действий, а говоря его словами, — ненаблюдаемая структура сложившейся ориентировочной деятельности. И он постоянно искал «кандидатов» на роль такого языка — внутреннего, идеального, психического. Одним из них, хотя и не очень надежным, он называл действие «по представлению». Выше много говорилось о действии «на основе образа». И все же первой формой действия в уме, согласно П.Я. Гальперину, является речь, только без ее громкости, т.е. «внешняя речь про себя». Дальнейшие изменения действия состоят в том, что из него выделяется его обобщенный, постоянный состав, который тоже представлен словами-носителями предметных значений. Затем последние начинают осознаваться во внутреннем плане раньше звуковых образов, что делает произнесение слов излишним. Остаются речевые значения, за которыми самонаблюдение не

обнаруживает ни чувственных образов предметов, ни звуковых образов речи, ни ее кинестезии. Иначе говоря, в результате превращений и автоматизации «внешней речи про себя» предметное действие в уме превращается в мысль об этом действии, в «чистую мысль» о решении задачи, которую это действие составляет [1; 245–248]. Но на этом поиск П.Я. Гальперина не кончается. Контроль за действием начинает ограничиваться «чувством» согласования или рассогласования с его программой; сокращенная часть действия, не участвуя в его исполнении, продолжает участвовать в его «понимании». П.Я. Гальперин завершает свой анализ образом ступенчатой пирамиды, на каждом ярусе которой действие получает существенно новую форму: материальную или материализованную, громко-речевую, в звуковых образах речи и, наконец, «безобразную»...

В завершающей форме, во «внутренней речи» от действия сохраняется только своеобразное переживание — «сознание» объективного содержания процесса, его направления и благополучного или неблагополучного движения — переживание, которому нельзя дать более точное описание, а тем более определение [1; 249–250]. Это описание взято из относительно более ранней работы П.Я. Гальперина. К пирамиде, которую он описал, надо добавить слой образов из его поздних работ и слой схем, который, к сожалению, упоминается им без подробной расшифровки.

Интерпретируя или оценивая идею пирамиды, следует сказать, что она весьма продуктивна. К ней могут быть добавлены слои глубинных семантических структур, которые пытаются «прощупать» лингвисты и психологи, невербализованные моторные программы речи, нереализованные программы предметного, перцептивного, мнемического и, собственно, умственного действий. Все они могут стоять за мыслью и представлять собой «эмбрион словесности» (Г.Г. Шпет) [22]. М.К. Мамардашвили предложил замечательный термин: «невербальное внутреннее слово» [19]. Невербальное, но все же слово или его внутренняя форма, в состав которой входит «чистый предметный остов словесной структуры и динамические логические формы» (Г.Г. Шпет) [22]. Интересны размышления Н.И. Жинкина о стоящих за мыслью предметных кодах. Всю эту пирамиду языков можно рассматривать как сор, из которого растут стихи, не ведая стыда. Дополню поэ-та: и «чистые» мысли. К сожалению, когда я изображал в форме конуса языка описания мира, своего рода их вавилонское столпотворение, то не вспомнил об идее пирамиды языков П.Я. Гальперина (см. [9]–[11]).

Конечно, вне пространства языков невозможно понять мышление и сознание. Но не менее важно понять действия индивида, будь это действия с вещами, со знаками, символами, словами, образами, наконец, действия с мыслями. И здесь позволю себе высказать еще одно недоумение. П.Я. Гальперину принадлежат образцы анализа предметного действия, его свойств, его судьбы. На этом анализе основана педагогическая теория и практика всей его научной школы. Я отношу эту теорию и практику к психологической педагогике. Но сам-то он, проявляя методологический ригоризм и признавая психическую деятельность предметной, не считал предметное действие психическим и даже не считал психическую деятельность в целом предметом психологии. Оставим в покое ориентировку. Пожалуй, прислушаемся лишь к С. Дали, который сказал: «Я не ищу, я нахожу».

Основанием отказа предметному действию в модусе психического послужила идентификация оппозиций внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, материального и идеального, имевшая идеологическую подоплеку. Подобная идентификация в большей или меньшей степени характерна для многих психологов, в том числе и для представителей психологической теории деятельности. Иное дело, что П.Я. Гальперину было свойственно больше, чем другим, додумывать мысль до конца. Он хотел найти бестелесное, беспримесное, «чистое», идеальное, психическое, субъективное, внутреннее. При этом он неоднократно ссылаясь на магическую формулу К. Маркса — «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». При буквальном понимании этой формулы от нее отдает чем-то мичуринско-лысенковским.

Чтобы материальное стало идеальным, нужна не только голова, нужен индивид, способный к осуществлению поведения и деятельности, который только и может осуществить подобное преобразование. И его действие выполняет в таком преобразовании функцию посредника-медиатора. Об этом в 1939 г. писал П.И. Зинченко: «Любой психический процесс должен быть понят не как метафизическая “функция” или “способность” сознания, не как механическая сумма реакций организма, а как определенное психическое действие, т.е. такое действие, которое необходимо предполагает отражение действительности в форме того или иного психического состояния. Психическое состояние необходимо опосредствовано действием. Само действие вместе с тем является реальным процессом, в котором происходит переход, или «перевод» предметной действительности в ее идеальное отражение в психике, в сознании действующего субъекта» [15; 161]. Это

относится к любому действию, в том числе и к предметному. А последнее наполнено когнитивными (ориентировочными) и аффективными компонентами. Его психологическое строение весьма сложно, в чем убеждают не только исследования П.Я. Гальперина и его школы. Р. Декарт говорил, что действие и страсть — одно. Это лишь на более высоких (высоких ли?) стадиях развития психики оказывается возможным познание без претерпевания. Появляется равнодушное когито.

Как это ни мало для П.Я. Гальперина, но исследования показывают, что психика уже находится «внутри действия» (см. выше). Но она же находится и за ним, в виде мотивов, целей, смыслов и пр., иначе и не может быть. Медиатор должен обладать свойствами крайних членов, между которыми он находится и которые объединяет. В противном случае он не сможет выполнить своих посреднических функций. Он просто не будет узнан, принят и признан в качестве такового.

Да и самого П.Я. Гальперина можно понять так, что если действие — еще не мысль, то — единица анализа мысли, или даже прамысль, притом такая, которая по своей ценности часто превосходит так называемую чистую мысль.

Действие, в том числе и прежде всего внешнее, приобретает идеальные черты не только от осуществляющего его человека, но и от своего предмета. П.А. Флоренский [21] в свое время писал, что вещь не может непосредственно превратиться в идею, равно как идея — в вещь. Для этого нужен посредник, который одновременно есть и вещь, и идея. В качестве такого посредника выступает сакральный символ, например икона, крест. Но ведь такими качествами обладает и культурный предмет, в том числе даже простейшее орудие, имеющее не только назначение, но и значение, т.е. ту же идею. Об этом писали М.М. Бахтин, Л.С. Выготский и П.Я. Гальперин. Поскольку это так, то действие впитывает идеальные свойства как от совершающего его индивида, так и от своего предмета. Последнее следует и из превосходного исследования генезиса орудийной деятельности, выполненного П.Я. Гальпериным в молодые годы.

Наконец, и «чистота» идеального, «чистота» сознания и мысли весьма сомнительна. Уж если вспоминать К. Маркса, то он недвусмысленно писал, что «язык так же древен, как и сознание» [20, т. 3; 29], на нем с самого начала лежит проклятие материи в виде языка. П.Я. Гальперин то искал язык для «чистой» мысли, то прекращал эти поиски. Сила тяжести предметного действия снова притягивала его к себе. Мне кажется, что перечисленные

выше дихотомии, а тем более их идентификацию пора преодолеть (или оставить философам). Нужно последовать примеру А.А. Ухтомского, который утверждал, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное. К этому нужно добавить, что идеальное может быть столь же внутренним, сколь и внешним. Другими словами, необходимо расширить понятие объективного за счет включения в него субъективного [14], а также понятие материального, включив в него идеальные объекты, в том числе и идеальные действия. К этому шел и П.Я. Гальперин, который высказал твердую уверенность в том, что учение об «осмысленной деятельности (добавлю: и учение П.Я. Гальперина о психике как об ориентировочной деятельности. — В.З.) в конце концов станет основанием для психологии, настоящей психологии — объективной науки о субъективном мире человека (и животных) [3; 271]. В итоге щедрость победила! Редко обращается внимание на то, что П.Я. Гальперин перевернул навязшее в зубах определение психологии как науки о субъективном отражении объективной действительности. В его определении подразумевается объективность субъективного мира, поставленного вровень с объективным. А в каких отношениях находятся оба мира — это дело личной судьбы и обстоятельств. Для психологии это искомое, проблема, на которую она должна искать ответы. В субъективном мире мир объективный может отражаться, искажаться. Носитель субъективного мира может дистанцироваться от объективного мира, погружаться в себя, может порождать новый мир и объективировать его, одним словом, быть его создателем, хозяином, заложником, а то и жертвой. Кстати, ориентироваться в своем собственном мире (а тем более овладеть им) вовсе не проще, чем в так называемом объективном. Именно этому учил нас П.Я. Гальперин на своих лекциях.

И все же остается главный вопрос, который я в очередной раз попытаюсь сформулировать. П.Я. Гальперин действительно объективировал психическую деятельность, вынес ее наружу (Г.Г. Шпет сказал бы: овнешнил душу), придал психической деятельности черты предметности, осмысленности, признал возможность ее внешнепредметного и идеально предметного осуществления (почти по Ф.И. Тютчеву П.Я. Гальперин сделал ее «жилищем двух миров»), констатировал наличие у нее сложной структуры и т.д. Он отличил психическую деятельность от точно такой же предметной, но не психической деятельности по одному единственному параметру — по функции ориентировки. Не слишком ли расточительно конструировать компас такой же сложности, как корабль? А уж если сконструировали такой

сложный аппарат, то не стоит ли придать ему еще какие-либо функции, помимо отражательных и ориентирующих, например, функции порождения того самого субъективного мира человека, которым все же должна заниматься настоящая психология? Не будем спорить, что-то рождается в практической (непсихической) деятельности, но многое рождается и в самой психической деятельности. Действие рождает действие, говорит ученик П.Я. Гальперина Б.Д. Эльконин, образ рождает образ, мысль рождает мысль, Я рождает второе Я, наконец, есть второе, третье и т.д. рождения самого человека. Как говорил О. Мандельштам:

Я и садовник,

Я же и цветок.

Эта сложнейшая работа требует соответствующего устройства, и оно само растет (выражение П.Я. Гальперина) в той мере, в которой ее выполняет. Оставим в стороне так называемую непсихическую деятельность (если таковая возможна). Нам важнее, что, отличая от нее психическую, П.Я. Гальперин по-своему строил онтологию психического как такового и вольно или невольно психологизировал то, что в рамках деятельностного подхода называлось внешней предметной деятельностью.

Возможен и другой вариант объяснения разделения деятельности на психическую и непсихическую. Первая от второй отличается как искусство от неискусства, т.е. чуть-чуть. Назовем вторую ее настоящим именем — бездушная деятельность. В ее «познании» опыта было ему не занимать. Может быть, именно от бездушной (или бессубъектной, как у Г.П. Щедровицкого) деятельности хотел дистанцировать П.Я. Гальперин свою любимую науку? Этого мы никогда не узнаем.

Разумеется, поиск онтологии психического продолжается. Успехи на этом пути П.Я. Гальперина, как говорилось выше, во многом объясняются его способностью к самоограничению и требовательностью к себе. Он неукоснительно соблюдал выработанные им нормативы исследования: «изучение предметного действия можно, но не следует начинать с того, чтобы ставить его в произвольно выделенные условия и смотреть, что получится, как оно будет выполняться или формироваться. Наоборот, в исследовании предметных действий исходным становится вопрос: «Что нужно для того, чтобы сформировать такое-то действие с такими-то свойствами?». Нужно идти не от условий к действию (какое получится), а от заданного действия к условиям, обеспечивающим его формирование. Не

наблюдать и констатировать формирование действий, а строить его! И создавать условия, которые для этого необходимы. <...> Лишь впоследствии, когда путь формирования будет установлен, по его генетической шкале, открывается возможность анализа уже готовых, сложившихся явлений» [3; 288– 289]. Сформулированные нормативы частично наивны, частично претенциозны. Чтобы «задать» действие, нужно уже его знать! И такое знание приобретается часто в поисковых, так сказать, в донормативных исследованиях, выполнявшихся в том числе и в ранних работах П.Я. Гальперина.

Так или иначе, П.Я. Гальперину удалось пройти по этому пути достаточно далеко. Но — не до конца. Для дальнейшего развития мышления все же оставались некоторые степени свободы, чтобы оно могло течь спонтанно, по непредсказуемому руслу. Ж.-Ж. Руссо в свое время сказал: кто начал мыслить (в том числе, видимо, и с помощью теории и практики формирования умственных действий), того уже не остановить. Он будет «думой думу развивать» (А.С. Пушкин).

В шутовском стихотворении Т. Элиота есть строчки, заставляющие серьезно задуматься о дистанции между предметным действием и мыслью:

Знайте, что он погружен, как в сон,

В мысли про мысли о мыслях про имя...

Мысль ведь может затеряться среди предметов, заблудиться в лесу символов. У. Эко не без иронии писал, что, согласно законам герметизма, во всем мире, во всей Вселенной не существует хотя бы одной-единственной данности, не символизирующей иной данности. Да и практика марксистско-ленинской теории познания свидетельствует о том, что от абстрактного слишком часто восходят не к тому конкретному. Это я к тому, что еще неизвестно, какая задача сложнее (и важнее), — выведение мышления из предметного действия или возвращение мышления и мысли к предметной действительности. За свободу мысли приходится расплачиваться.

Несколько слов в заключение. Вспоминая лекции П.Я. Гальперина, беседы с ним, перечитывая и вчитываясь в собранные и изданные, наконец, труды, видишь, как он медленно, но верно приближался к пониманию «чуда мышления» (выражение А. Эйнштейна). Такое понимание, видимо, составляло главную цель его исканий, а может быть, и жизни. По складу

своего характера он был рационален, не сочувствовал спонтанности, страшился стихии, которой за свою жизнь он навидался вдоволь. В то же время он понимал, что «планомерно-поэтапно» добраться до мысли едва ли удастся, о чем говорят приведенные выше более чем скептические его суждения об экспериментальных методах и аппаратуре. П.Я. Гальперина мало устраивали простые решения, и его собственная мысль постоянно вырывалась за пределы наблюдаемых этапов формирования умственных действий, за пределы типов ориентировки в сферы идеального, в сферы «чистой», свободной от предметного действия (и от социальных обстоятельств) мысли. Позиция строгого исследователя не могла сдерживать спонтанных, свободных интеллектуальных порывов, которые, к счастью, превращались в тексты. Ведь П.Я. Гальперин определял мышление как деятельность, «чтобы узнать». И для этого он переставал ориентироваться на экспериментальные результаты и обращался к глубинам собственного духа, «чтобы найти». «Чтобы узнать» соответствует поэтическому: «И сладок нам лишь узнаванья миг» (О. Мандельштам). П.Я. Гальперин не мог отказать себе в «выпуклой радости узнаванья». Опыт-знание и опыт-позиция хотя порой и вступали в противоречия, но в конце концов прекрасно дополняли друг друга.

1. Гальперин П.Я. Введение в психологию. Р.-н/Д.: Феникс, 1999.
2. Гальперин П.Я. Об установке в мышлении // Тр. Республиканской конф. по педагогике и психологии. Киев, 1940. (На укр. яз).
3. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Ин-т практ. психол.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998.
4. Гальперин П.Я. Смысловая схема поведения, лежащая в основе высшей нервной деятельности // Психология: Сб., посвященный 35-летию научн. деятельности Д.Н. Узнадзе. Тбилиси, 1945.
5. Гальперин П.Я. Четыре лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет», 2000.
6. Гальперин П.Я., Гиневская Т.О. Зависимость объема движений от психологического характера задачи // Уч. записки МГУ. 1947. Вып. 111.
7. Запорожец А.В. Избр. психол. тр.: В 2 т. М.: Педагогика, 1986.
8. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М.: АПН РСФСР, 1960.

9. Зинченко В.П. Мысль и слово Г.Г. Шпета. М.: УРАО, 2000.
10. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Ч. 1. Живое знание. 2-е изд. Самара: Самарск. гос. пед. ун-т, 1998.
11. Зинченко В.П. Психолого-педагогические основы развивающего обучения. М.: Гардарики, 2002.
12. Зинченко В.П. Слово об Учителе // Вопр. психол. 1993. № 1. С. 89–92.
13. Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа. М.: Изд-во МГУ, 1969.
14. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопр. философ. 1977. № 7. С. 109–125.
15. Зинченко П.И. Проблема произвольного запоминания // Научн. записки Харьковск. пед. ин-та иностр. яз. Т. 1. Харьков, 1939.
16. Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв.: В 2 т. М.: Педагогика, 1983.
17. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М.: Учпедгиз, 1931.
18. Леонтьев А.Н. и др. Дискуссия о проблемах деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / Под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во АПН СССР, 1990.
19. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Русский христианск. гуманит. ин-т, 1997.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч: В 30 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1956.
21. Флоренский П.А. Философия культа // Тр. Моск. патриархии. Сб. 17. М., 1977.
22. Шпет Г.Г. Соч. М.: Правда, 1989.
23. Щедровицкий Г.П. Избр. тр. М.: Изд-во Шк. культ. полит., 1995.
24. Haenen J. Piotr Galperin: Psychologist in Vygotsky's footsteps. N.Y.: Nova Science Publ., 1995.